

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

фов, разделенных двумя тысячелетиями.

1. Маруяма Масао, Тайхэйсакукō (Комментарии к Тайхэйсаку), в кн. "Огү Сорай", сер. Нихон сисо тайкэй (Японская мысль), т.36, Токио, 1974, с.787.
2. См. подробнее: Olof G.Lidin, "The life of Ogyu Sorai. A Tokugawa Confucian Philosopher.", /Copenhagen/, 1973, p.105-107.
3. Маруяма Масао, ук. соч., с.791-800.
4. Переводы сделаны по тексту книги "Огү Сорай" сер. Нихон сисо тайкэй, (Японская мысль), т.36.
5. В.Ф.Феоктистов, "Философские и общественно-политические взгляды Сянь-цзы", М., 1976, с.250.
6. "Огү Сорай", с.453.
7. Там же, с.462.
8. В.Ф.Феоктистов, ук. соч., с.86.
9. "Огү Сорай", с.459.
10. В.Ф.Феоктистов, ук. соч., с.214.
11. Горин (кит. улунь) - нормы пяти основных отношений в конфуцианстве: отношения государя и подданного, отца и сына, мужа и жены, старшего и младшего, друзей.
12. "Огү Сорай", с.467.
13. В.Ф.Феоктистов, ук. соч., с.192.
14. Там же, с.203.
15. "Огү Сорай", с.470.
16. В.Ф.Феоктистов, ук. соч., с.190.
17. Там же, с.227.
18. Там же, с.221.
19. Там же, с.191.
20. Там же, с.212.
21. Там же, с.170.

Ю.Д.Михайлова

СЕМЬЯ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В ЯПОНИИ В ПЕРИОД ТОКУГАВА

Система социализации детей в современной Японии значительно отличается от других развитых капиталистических стран прежде всего большим удельным весом в ней традиций. Несмотря на то, что после второй мировой войны в Японии идет активный процесс модернизации

семейных отношений и системы воспитания, именно в этих сферах сохранилось еще много традиционных элементов. Их влияние сказывается не только во взаимоотношениях внутри семьи, но и в более широких сферах общественной жизни вплоть до политики и экономики. В связи с этим представляется, что изучение социализации детей в японской семье в период Токугава (1603-1867 гг.) имеет актуальное значение.

Главное, что определяло образ жизни и поведение, семейную систему и воспитание детей в токугавской Японии, — было этико-политическое учение Чжу Си, утверждавшее пять добродетелей и пять норм отношений между людьми.¹ Каждый человек должен был занимать определенное, отведенное ему в соответствии с социальным статусом семьи, место. Профессия во многом определялась рождением. Переход из одного социального сословия в другое был почти невозможен. Всегда и во всем японец должен был четко ощущать принадлежность к своей социальной группе, не только сословию, но общине, производственной корпорации, в конечном счете — семье. С другой стороны, считалось, что благополучие индивидуума зависит не только от его индивидуальных способностей, но в значительной мере определяется заботой о нем со стороны группы, к которой он принадлежит, в особенности от старшего в ней по возрасту и по положению. Так, по отношению к родителям у человека всегда должно было существовать сознание "он-гаэси", то есть вечной благодарности за родительские любовь и заботу. В отношении главы своего профессионального объединения человек также должен был чувствовать определенные обязательства — "гиму". Между всеми членами общины, цеха, семьи и т.п. существовали взаимные обязательства, охватываемые термином "гиря".² Таким образом, из пяти добродетелей понятие долг, лояльность были основополагающими для японского общества в период Токугава. В соответствии с этим главная установка традиционной системы воспитания состояла в том, чтобы научить японца не думать о себе как об автономном индивидууме, а всегда ощущать свою принадлежность к группе, ставить групповые интересы выше личных.

В социализации детей в токугавской Японии участвовали семья, школа, община, но особенно большая роль принадлежала семье. Стандартная семья (ие) состояла из мужа, жены и их незамужних детей.³ Два поколения супружеских пар под одной крышей встречались, как правило, только в семьях старших сыновей-наследников, с которыми оставались жить престарелые родители. В Японии существовало право первородства. Старшему сыну переходило основное имущество семьи — земля, мастерская, лавка и т.д. Младший сын либо основывал само-

стоятельную семью, либо шел в зятя-примаки, либо его усыновляла бездетная семья. Дочери уходили, как правило, в семью мужа. Распространение обычаев примачества и усыновления говорит о том, что сохранение имени и статуса семьи имело большее значение, чем кровное родство.

Ряд семей (из), связанных патрилинейно и имеющих общего предка, составляли объединение семей "додзоку". В таком объединении существовала главная семья "хонка" (возникшая раньше других и стоявшая ближе к основателю рода) и боковые семьи "бунка". Они были связаны между собой целой системой обязательств взаимопомощи и поддержки. Так, члены "бунка" должны были помогать в обработке полей "хонка". В свою очередь глава "хонка" нес ответственность за всех членов "бунка" (например, давал рекомендации и поручительство при поступлении в услужение, на работу) и имел право решающего голоса во всех делах "бунка".

Главой японской семьи мог быть только мужчина. На нем лежало исполнение главных инструментальных функций — обеспечение материальных средств существования. Авторитет главы семьи был непоколебим. Причем независимо от поведения отца как индивидуума был очень высок авторитет именно роли и статуса главы семьи. В целом в японском обществе женщина играла подчиненную роль. Ее деятельность ограничивалась ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Однако именно женщине принадлежало руководство этими сферами внутрисемейной жизни: она распоряжалась кошельком семьи, решала вопрос о выборе супругов для своих детей.

Браки в Японии заключались по стовору. Главная их цель состояла в обеспечении возможностей для продолжения рода и наследования профессионального занятия семьи. В традиционной японской семье первостепенное значение имели не супружеские отношения, а отношения между родителями и детьми. Даже для женатого мужчины мнение родителей (не только отца, но и матери) всегда значило больше, чем мнение жены. Так, если молодая невестка не нравилась свекрови, брак мог быть расторгнут.

Воспитание маленьких детей в период Токугава имело свою, чисто японскую специфику, которая существует и в наше время. Японский ребенок в раннем возрасте проводит много времени в непосредственной близости с матерью. Мать спит вместе с ребенком, днем они всегда находятся в одной комнате. Ощущение близости усугубляется обычаем носить маленьких детей на спине. Мать или старшие дети привязывают малыша к себе на спину, выходят так на улицу, занимаются хозяйством, могут даже работать на поле. Взрослые постоянно разгова-

ривает с малышом. На спине матери ребенок получает и первое представление об этикете, склоняясь вместе с ней в приветственных поклонах. Таким образом, японский ребенок никогда не остается один, его не приучают к самостоятельному освоению окружающего мира. Тем самым он постоянно привыкает ощущать свою зависимость от старших, в первую очередь от матери. Социологи заметили, что, если японского ребенка оставляют одного в комнате, он не ощущает никакой радости от свободы, а наоборот, чувствует себя наказанным из-за лишения контактов с другими.⁴

Отношение японцев к маленьким детям в высшей степени терпеливое, их никогда не наказывают и не ругают. Прямой запрет отсутствует. Вместо этого ребенка уговаривают или стараются переключить его внимание на что-либо другое. Считается, что, если детей сурово наказывать, они станут раздражительными, поэтому японцы предпочитают систему поощрений наказаниям. Мать старается выработать у ребенка уступчивость, подчинение желаниям других. Если ей это удается, то такой ребенок называется "сунао" (прямой, честный, простодушный, послушный). С другой стороны, у японцев уже в раннем детстве появляется потребность в том, чтобы о них заботились, опекали, хвалили. Это называется потребность в "амаэ". Глагол "амаэру" значит "нянчиться, ухаживать", а буквальное значение слова "амаэ" — "ласка, нега, ласковое поглаживание ладошкой". Если потребность ребенка в "амаэ" не удовлетворяется, он чувствует себя обделенным, становится обиженным, раздражительным. Такое часто случалось в японских семьях при воспитании младших сыновей, поскольку все внимание, вся любовь отдавались старшему сыну-наследнику, которому предстояло в будущем нести тяжкое бремя обязанностей главы семьи. В то же время младшим детям предоставляли больше свободы и самостоятельности: в дальнейшем в жизни они должны были большего добиваться сами.

Воспитание в раннем детстве послушания и уступчивости облегчает восприятие ребенком тех строгих требований, которые предъявляются ему в последующие годы в процессе обучения и подготовки ко взрослому состоянию. В Японии детям до 10 лет все прощается, все разрешается, но с 10 лет их приучают вести себя должным образом, согласно существующим понятиям о "гиму", "гири", "он-гаэси". Детям прививают правила взаимоотношений в семье, с соседями, жителями деревни. При этом воспитание всегда направлено на то, чтобы ребенок постоянно ощущал себя представителем своей семьи. Ему внушают, что, если он поступает не в соответствии с требованиями, которые диктуются "гиму", "гири", "он-гаэси", он не в праве рассчитывать

на поддержку и защиту со стороны своей семьи.

Начало привития этих этических понятий соответствует новому этапу в жизни детей. В период Токугава дети в возрасте от 7 до 10 лет посещали начальную школу, где отношение к ним было еще мягкое и снисходительное. В 10 лет дети из самурайских семей поступали учиться в княжеские или частные школы, процесс обучения в которых состоял главным образом в изучении конфуцианских текстов и получении морально-этических наставлений в духе конфуцианства. Для детей кушцов, ремесленников, богатых крестьян существовал институт ученичества, заключающийся в том, что детей отдавали в другие семьи с целью овладения профессиональными навыками. Ученичество и обучение в конфуцианских школах продолжалось до 20-25 лет. Это были годы суровых испытаний в жизни подростков, юношей и девушек. Например, ученики исполняли в то же время и обязанности прислуги, плату при этом они не получали, времени и возможностей для собственных удовольствий у них не было. Проявлял самостоятельность в делах ученику позволялось лишь с 18-19 лет. Считалось, что трудности в период ученичества есть достоинство этой системы:⁵ юноши и девушки не только получали профессиональное обучение, но и становились людьми, приспособленными ко многим превратностям жизни. Выдержать эти тяжкие испытания юношам и девушкам помогало сознание того, что они должны оправдать надежды, которые возлагала на них семья. Иначе их могли отлучить от семьи, лишит наследства. Р. Балла приводит пример из жизни одного из учеников Нинomia Сантоку.⁶ Когда он покидал свою деревню и отправлялся учиться в Эдо, мать, напутствуя сына, сказала: "Если не добьешься успехов, домой не возвращайся".⁷ Такая постановка вопроса типична для японских семей.

Сознание принадлежности к группе, в данном случае - семье, которая заботится о человеке, поддерживает его, рождает у японцев в свою очередь чувство ответственности за свое поведение, умение, знания, делает его обязанным стремиться к достижению успехов. Это свойственно и современным японским детям. Социологические опросы японских детей, проводимые в сопоставлении с американскими, показывают, что уже в раннем возрасте японцы четко осознают свой долг и обязанности по отношению к родителям. Так, если на вопрос "кем я хочу быть и почему" американские дети как правило отвечали, что та или иная профессия даст им возможность наилучшим образом проявить свои способности, или обеспечит хорошее материальное положение, или просто потому, что "я так хочу", то большинство японских детей мотивировало свой выбор необходимостью отблагодарить родите-

лей и семью за заботу и любовь, обеспечить их старость и даже благополучие и процветание страны.⁸ Характерно, что в Японии менее, чем в других капиталистических странах развита система социального обеспечения на старости лет. И одна из причин этого — неукоснительное соблюдение принципа сыновней почтительности, выраженного в ответственности детей за содержание престарелых родителей.

Воспитание у японцев с детских лет привычки к зависимости от старших, к опеке со стороны коллектива, осознание индивидуумом себя как части группы нашло отражение и в системе "оябун-кобун", распространении принципа патернализма на японских предприятиях и фирмах. "Оябун-кобун" (букв. родители-дети) — это профессиональные объединения созданные по принципу "додзоку", члены которых принимают на себя обязательства взаимопомощи и ответственности, схожие с обязательствами членов "додзоку". Идеологи японского бизнеса умело используют традиционные элементы системы семейных отношений и воспитания в деле наращивания темпов экономического развития и усиления эксплуатации японских трудящихся. Это, например, позволяет им давать более низкую заработную плату японским рабочим и служащим (по сравнению с европейскими и американскими) за счет гарантии обеспечения пожизненной работой на данном предприятии и ряда других привилегий, что в то же время снижает возможность борьбы японских трудящихся.

Перечень примеров, показывающих, насколько велика роль традиций в общественной жизни современной Японии можно продолжить. Хотя сейчас большинство молодежи теоретически считает, что браки должны заключаться по любви, в действительности все еще они заключаются главным образом по стовору. Молодежь не склонна принимать самостоятельные решения в таком важном вопросе как выбор профессии и т.д. Таким образом, всестороннее исследование традиционной системы семейных отношений и социализации детей имеет важное значение как для изучения особенностей превращения Японии в развитую капиталистическую страну, так и для анализа широкого круга проблем современной социальной жизни страны.

-
- I. Считалось, что пять конфуцианских добродетелей "току" (гуманность "дзин", долг "ги", этикет "рэй", мудрость "ти", доверие "син") могут реализоваться при правильном соблюдении пяти норм человеческих взаимоотношений (отца-сына, господина-вассала, мужа-жены, старшего и младшего братьев и отношений между друзьями).

2. De Vos, Socialization for Achievement, Berkely, Los Angeles, 1973, p.13.
3. "Household and Family in Past Times", Cambridge, 1972, p.486.
4. De Vos, Op. cit., p.47.
5. R.Dore, Education in Tokugawa Japan, London, 1965, p.267.
6. Ниямия Сантоку (1787-1856) - крестьянский политический деятель, выступал за образование крестьян, пропагандировал учение о "воздаянии за добро".
7. R.Bellah, Tokugawa Religion, Glencoe, 1957, p.57.
8. M.Goodman, Values, Attitudes and Social Concepts of Japanese and American Children, "American Antropologist", 1957, V. 59, № 6.

М.Б.Пиотровский

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСЛАМА

В связи с наметившейся активизацией исламоведения представляется полезным обратить внимание на некоторые общие проблемы изучения ислама, лежащие между методологией и методикой.

Методология исламоведения, само собой разумеется, идентична общей марксистской методологии исследования религий, исходящей из положения, что религия - одна из форм общественного сознания, искаженное, через представление о неземных силах, отражение господствующих над человеком природных и общественных сил.¹ Религия является частью надстройки, "которая всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей".²

Марксистская наука особое внимание уделяет социальным корням религии; занималось ими и марксистское исламоведение, но, к сожалению оно, не учитывая полностью сложные связи идеологической надстройки и базиса, остается пока в рамках прямолинейного социологизма. Другая важнейшая для марксизма сторона изучения ислама - его гносеологические корни, изучение религии как таковой, и вовсе не получила развития в советской науке. Даже понятие об особой дисциплине - религиоведении - лишь недавно стало у нас принятым; основные методологические приемы неразработаны, терминология часто путается.

Поверхностно изучаются обратные связи между исламом и обществом; по существу мы мало разделяем изучение ислама как религии и изучение мусульманской культуры. В результате именно исследование